

Марета плавно покачивалась. Су Нянь, прикрыв глаза, прислонился к стенке кареты. Его губы едва заметно подергивались, а затем он открыл глаза и посмотрел на Сяо Фэй, сидевшую рядом.

— Почему твой голос изменился? И походка стала другой, ты... — Су Нянь замялся, — тебя заменили?

— Князь очень наблюдателен, — Хун Цю улыбнулась и кивнула. Разные люди — разные повадки. Скрывать замену не было смысла: в конце концов, для защиты князя неважно, кто именно рядом, главное — сохранить в тайне пол охранника.

Су Нянь, получив ответ, не мог разобраться в своих чувствах. Было как-то странно.

— С ней что-то случилось?

— Да. Отныне я буду охранять вас, князь, — Хун Цю заметила, как Су Нянь нахмурился. — Вас что-то не устраивает?

Су Нянь смотрел на лицо, абсолютно идентичное лицу Сяо Фэй... то есть Цюй Фэй. Он поднял взгляд на ее глаза — они тоже были блестящими, но... что-то было не так. Ее взгляд казался слишком расчетливым, тогда как у Сяо Фэй он был чистым. Наверняка эта девушка куда умнее прежней.

— Нет, ничего, — Су Нянь отвел взгляд и снова закрыл глаза, делая вид, что дремлет.

Действительно, что тут такого? Подумаешь, еще одна фальшивая Цюй Фэй. Какая разница, кто именно из У Ин приставлен к нему? Когда Цюй Фэй поправится и дела во Дворце Цинин уладятся, охрану все равно снимут. Да и вообще, шесть Золотых Ножей работают посменно. К тому же, сколько Сяо Фэй была с ним? Месяц? Был ли месяц? В общем, какая разница.

Но почему она не сказала об этом вчера вечером? Решение было спонтанным? Что-то случилось? Зажила ли рана у нее на спине? Почему именно она должна была уйти? И почему ушла, не попрощавшись? Знай он, что она уходит... Су Нянь открыл глаза. Знай он заранее, обязательно позвал бы ее вчера кататься на коньках.

— Как тебя зовут? Можешь сказать?

— Отвечаю князю: меня зовут Хун Цю.

— Значит, можешь, — Су Нянь скривил губы. — Тогда почему Сяо... почему та, что была раньше, не сказала мне своего имени?

У Ин редко называли свои имена — для них это были лишь кодовые обозначения. Кроме самих членов организации, их никто не знал, даже евнух Цинь был в курсе лишь пары имен. А говорить или нет — зависело от человека.

Чи Мо не называл своего имени: во-первых, это было не его задание, во-вторых, таков уж он был. Хун Цю никогда не видела, чтобы Чи Мо кому-то представлялся. Что касается ее самой, она была не против. Более того, она хотела расположить к себе любимца императора. Охранять таких высокопоставленных особ У Ин доводилось нечасто. Су Нянь был человеком, чьи желания исполнялись по первому щелчку пальцев. Если удастся завоевать его благосклонность, возможно... возможно, это станет ее шансом вырваться из У Ин. Она не настаивала, но и упускать возможность не собиралась.

— Это... — Хун Цю покачала головой, — я не знаю.

Значит, не хочет говорить! Су Нянь слегка разозлился и фыркнул. Не хочешь — не надо! Все равно она уже ушла, не очень-то и хотелось знать!

Дни шли своим чередом. Через несколько дней Су Нянь привык: эта Хун Цю была куда... женственнее. Да, она гораздо лучше изображала Цюй Фэй. Посмотрите, как она говорит — мягко и тихо. Как ест — маленькими кусочками. Как ходит — мелкими шажками. Как держит руки на животе — совсем не так, как Сяо Фэй, у которой они вечно висели вдоль тела. А прическа, украшения, как аккуратно завязаны пояса на одежде — у Сяо Фэй вечно все было в беспорядке. От нее даже пахло пудрой, а ладони были такими маленькими...

Кроме наблюдений за различиями между Хун Цю и Сяо Фэй, Су Няню было совершенно нечем заняться. Он знал, что снаружи опасно, поэтому не стремился выходить, но время тянулось невыносимо медленно. Он тосковал по Цюй Фэй, хотел, чтобы она поскорее поправилась и вернулась, чтобы снова болтать с ним и играть. Он хотел, чтобы дела Дворца Цинин поскорее закончились, и он мог бы, как раньше, беззаботно гулять где вздумается.

Ван Чжаобао получил два задания — убить двоих человек. Обычно император приказывал устранить тех, кого было трудно осудить по закону, тех, кто становился помехой в важных делах, или иностранных шпионов. Иногда приходилось отправляться в другие страны, чтобы убить высокопоставленных чиновников. Работы было много, казалось, ей не будет конца.

В этот раз цели находились в столице. Задание он выпросил у Одноглазого Гу. Ван Чжаобао убивал быстро, не задавая лишних вопросов о причинах или статусе жертв. У Ин для мира словно и не существовали, поэтому оставлять улики было бессмысленно — дела все равно заходили в тупик, да и улик обычно не оставалось.

Убедившись, что этот крепкий мужчина с обнаженным торсом перестал дышать, Ван Чжаобао повернул голову к перегородке. За ней стояла дымящаяся бочка, в которой, дрожа от страха, сидела обнаженная женщина.

— Я... я просто работаю здесь, не убивай меня! Я ничего не видела! Я... я могу дать тебе денег!

— Он... он пришел сюда всего полмесяца назад, я... я правда его не знаю! Умоляю, не убивай меня!

Ван Чжаобао заметил на плечах женщины следы от кнута — и старые, и свежие. Сам мужчина погиб от собственного оружия. Ван Чжаобао не интересовало, кем был убитый, но он видел, что женщина, помимо страха, испытывала облегчение. Возможно, именно эта крупица надежды удержала ее от крика.

— Я никому не скажу! Обещаю! — женщина торопливо подняла руки, готовая поклясться. — Клянусь, я никому не расскажу о тебе!

Ван Чжаобао опустил взгляд: запястья женщины, которые она подняла, дрожали, на них виднелись следы от веревок.

— Я... я могу... — заметив, что взгляд убийцы стал менее холодным, женщина закусил губу и медленно встала. — Я сделаю что угодно, только не убивай меня!

Ван Чжаобао замер, но не отвел глаз. Теперь он отчетливо видел раны на ее теле — сплошные синяки от побоев. Внезапно он вспомнил, как той ночью Су Нянь обрабатывал ему спину, и уголки его губ дрогнули.

Женщина не сводила с него глаз, боясь, что он передумает, но вдруг заметила, что холод в его взгляде исчез. Исчезла и давящая, пугающая аура.

— На, — Ван Чжаобао достал из-за пазухи две банкноты. Это были деньги, которые дал ему Су Нянь; он носил их с собой и забыл отдать Хун Цю.

Женщина дрожащими руками взяла деньги, не смея поднять глаз на убийцу.

— Одевайся.

Она поспешно вылезла из бочки и начала одеваться. Как только она закончила, услышала приказ: Деньги припрятать. Она тут же сунула банкноты за пазуху.

— Выкупайся.

Как только эти слова достигли ее ушей, она почувствовала резкую боль в затылке и провалилась в темноту.

Ван Чжаобао ударил сильно — вряд ли она придет в себя раньше завтрашнего полудня. Он вышел из комнаты. В коридорах по-прежнему было шумно. Ван Чжаобао поднялся на третий этаж, собираясь уйти через крышу, но в одной из комнат услышал слова Князь Нин. Он замер,

помедлил, а затем прижался к стене, прислушиваясь к разговору мужчины и женщины внутри.

— Ах... ах... господин, это правда? — задыхаясь, кокетливо спросила женщина. — Господин, вы... помедленнее...

— Ах ты, маленькая распутница, неужели мне тебя еще недостаточно? Даже при упоминании князя Нина ты так заводишься!

Ван Чжаобао нахмурился.

— Я просто... хотела... ах... хотела увидеть мир, господин. Вы правда возьмете меня с собой?

— Возьму, возьму. Место уже выбрано, завтра князь Нин обязательно там будет.

— Князь Ци... ах... так добр к князю Нину, потратил столько денег... ах... только чтобы порадовать его.

— Они оба привыкли к роскоши. Князь Ци купил ту землю, чтобы весной устроить там ипподром для князя Нина, подумать только.

— Я слышала, гора Цинфэн лучше всего подходит для зимней охоты. Не ожидала, что господин Ван Дафу решит ее продать.

— Все ради того, чтобы угодить князю Нину. Завтра на зимнюю охоту приедет и сам император.

Больше ничего полезного они не сказали. Ван Чжаобао поковырял в ухе, выломал щепку из перил, вернулся к окну и, прислушавшись, рассчитал траекторию. Раздалось легкое свистящее «шух» — щепка пробила окно и полетела внутрь.

— А! Ай!

— Ой! Господин, у вас лицо в крови!

— Что за черт? Что это было...

Ван Чжаобао выбрался на крышу. Он сделал это просто потому, что ему было противно — они обсуждали Су Няня, занимаясь этим самым делом. Даже само имя князя Нина в их грязных устах казалось ему осквернением.

Зимняя охота? Не лучшее время для этого. Стрелы будут летать повсюду, кто знает, не будет

ли одна из них направлена в Су Няня? Впрочем, император наверняка примет все меры предосторожности. Ван Чжаобао бросил взгляд в сторону резиденции князя Нин.

Вернувшись в горы, он по привычке показался Одноглазому Гу. Сколько всего людей в У Ин, Ван Чжаобао не знал — он был знаком лишь с четырьмя: Хун Цю, Гу Бай, Цин Лань и Хуан Чоу. Но сейчас людей в организации было немного, не больше тридцати, не считая Учителя.

— В эти дни тебя многие искали, — в комнате Одноглазого Гу по-прежнему горели несколько свечей.

— М-м, они хотят занять мою комнату, — Ван Чжаобао только что совершил убийство, и настроение у него было ни то ни се.

— Хм, самоуверенные глупцы, — Одноглазый Гу презрительно скривил губы. — Нынешнее поколение не способно вырастить даже четырех достойных убийц У Ин.

Ван Чжаобао не заботился о рангах, ему была нужна только комната, в которой он жил уже несколько лет.

— Есть еще задания?

— Есть. — Одноглазый Гу вытащил из коробочки на столе записку и всмотрелся в нее. — Государство Шан...

— Хорошо, — кивнул Ван Чжаобао. Их задания всегда были такими: место, цель, и ничего лишнего. Он протянул руку за запиской, но Одноглазый Гу не спешил ее отдавать.

Он поднял взгляд на Чи Мо и сложил листок пополам.

— Есть еще одно задание. Можешь выбрать, за какое возьмешься.

Ван Чжаобао опустил руку, ожидая продолжения. Если бы ему действительно дали выбор, он бы выбрал государство Шан — это далеко, на дорогу уйдет как минимум два месяца, красота.

— Завтра император отправляется на зимнюю охоту. Отправляйся на гору Цинфэн, чтобы охранять его.